

УДК 1 (091)

С.В. Чугунов, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский национальный технический университет,

Ул. Университетская, 33, г. Севастополь, Украина, 99053

E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА В ФИЛОСОФИИ И.А. ИЛЬИНА

Рассматривается проблематика свободы в философии И.А. Ильина.

Иван Александрович Ильин (1882–1954) – известный русский философ и религиозный мыслитель. Его оригинальные идеи, посвященные анализу судьбы русского народа в период тоталитарного развития советского общества, оказали влияние на формирование и развитие мировоззрения русской эмиграции.

Уже в первых своих работах (1910–1914), Ильин ставит вопрос о сущности и границах индивидуальной свободы человека. По его мнению, внутренняя свобода личности начинается тогда, когда человек берет на себя ответственность за какое – либо действие.

В религиозном аспекте, внутренняя свобода человека заключается в его личностно-творческом отношении к Богу. Ни кто и ни что не в состоянии, помешать личности в ее стремлении к единению с Абсолютом. В слиянии с Богом возрастает чувство собственного духовного достоинства, объективной правоты. Человек как бы приобретает «центр» личных устремлений, основу неповторимого индивидуального бытия, критерий оценки истинности своих действий. Без контакта с божеством жизнь личности становится унылой и пошлой, разделенной на не связанные друг с другом факты и события. Слияние с Богом – это начало новой жизни, ибо благодаря этому человек становится частицей божественной сущности мира. Не случайно поэтому, что религию Ильин определяет, как свободное «цветение» личного духа.

Подчеркивая необходимость свободного стремления человека к единению с Богом, русский философ отвергает подчинение внешнему авторитету. В этой связи он своеобразно трактует роль Церкви. Задача любого религиозного посредника, по мнению Ильина, сводится к тому, чтобы научить человека непосредственному обращению к Богу, подготовить его к этому и, в дальнейшем, обслуживать единение личности с божеством, углубляя его.

В то же время русский мыслитель предостерегает от возможности ошибки, подстерегающей человека на этом пути. Суть ошибочного действия заключается в возможности эмоционально-психологического самообмана, когда за Божественное откровение принимается личностью эмпирически обусловленные личные, душевные переживания. Чтобы избежать этой ошибки, человек всегда должен помнить, что, несмотря на личностную форму единения с Богом, этот процесс имеет сверхличное содержание, которое поддается доступному контролю и проверке. В связи с этим Ильин не отождествляет философию и религию, а постоянно подчеркивает приоритет философии, как рациональной сферы над религией, как сферы в основном иррациональных устремлений.

В более поздних работах Ильин указывает на различие «подлинной» и «неподлинной» веры. «Неподлинная» вера приводит личность к таким предметам и явлениям, которые не составляют основу его бытия. Стремясь «вместить» в себя эти предметы, человек утрачивает свою сущность, уподобляясь им. Этот процесс уподобления – начало «неподлинного» существования, который заключается в потере смысла жизни и веры. В своей работе «Кризис Безбожия» русский мыслитель указывает: «Торжество чувственного, внешнематериального опыта над внутренним и духовным опытом привело к тому, что люди обратились к религии и к Богу с чувственными мерилami и материальным пониманием, и результат этого мог быть только отрицательным.

Всего точнее это можно было бы выразить так, что человек попытался воспринять Бога неверным актом и не обрел Его, и, не обретая Его неверным актом, объявил, что Его нет и что верить в Него глупо и вредно» [1, с. 335].

Внутренняя свобода – это свобода духа, а не тела и не души. Тело человека не свободно. Это утверждение Ильин обосновывает с онтологической позиции. Тело находится в пространстве и во времени, существует среди других тел, как больших, так и малых. Все это делает наше тело несвободным и всегда подчиненным всем законам и причинам вещественной природы. Эти законы, как указывает русский философ, человек может комбинировать или себе на пользу, или себе во вред; но создавать или нарушать их он не может. Человек может не знать о них или забыть о механизме их действия, но освободится от них он не может никогда.

Несвободна и душа. Прежде всего, она связана, таинственным способом, с телом и обусловлена его жизнью. Потом, обращает внимание Ильин, она связана с законами времени и последовательности. Наконец, душа ограничена своим внутренним устройством, которое она сама не создает и нарушить его не может: законами сознания и бессознательного, силою инстинкта, законами мышления, воображения,

воли. Душа имеет свою природу; природа эта имеет свои законы; душа сама не творит этих законов, а подчиняется им и не может их изменить.

Дух обладает свободой, так как имеет силу. Ильин отмечает: «Дух есть сила, которая имеет Дар усилить себя и преодолеть в себе то, что отвергается; дух имеет силу и власть создавать формы и законы своего бытия, творить себя и способы своей жизни» [2, с. 198]. В этом русский философ видит сущность процесса освобождения духа. Освободить себя, прежде всего, значит обрести силу, избавиться от любых проявлений прихоти, соблазна, пошлости, влечения. В этом, подчеркивает русский мыслитель, заключается положительный момент освобождения личного духа.

Но этот процесс освобождения может поставить человека в конфликт с потребностями его тела – ибо дух будет искать нужную ему и верную для него (духа) меру: еды, питья, движения, применения мускульной силы. Дух способен комбинировать в свою пользу законы телесной природы. Возможны также и конфликты с душевными влечениями – ибо дух не может примириться с теми влечениями души, которые ведут человека по пути порока, зла, лени и т.п.

Найти в себе силы для борьбы за внутреннее освобождение – значит для личности заложить основы духовного характера, воспитать его. Внутренняя свобода – это процесс духовного самоопределения, власть над душой и телом. Освобождая себя, человек заполняет свое «внутреннее пространство» свободно и верно выбранными божественными содержаниями, которые приобретаются верой и любовью.

Освободить себя, указывает Ильин, не означает стать независимым от других людей, но значит стать «господином своих страстей». Господин своих страстей не тот, кто может их обуздать, а тот, кто их духовно облагородил и преобразовал.

Внутренняя свобода, по мнению русского философа, не является отрицанием закона и авторитета, т.е. беззакония и самомнения. Внутренняя свобода – это способность духа самостоятельно увидеть верный закон, признать его авторитетную силу и самостоятельно осуществить его в жизни. Свобода не есть произвол, ибо произвол всегда ведет к следованию прихотям души и тела. У свободного человека, делает вывод Ильин, не произвол ведет к свободе, а свобода царит над произволом.

Внутренняя свобода нуждается во внешней. Внешняя свобода – это необходимое условие для развития и усиления стремления к внутреннему освобождению. Из внешней свободы, как считает Ильин, возникает духовная самостоятельность человеческой личности в ее отношении к Богу и затем к другим людям и природе.

Внешняя свобода – это не право делать все, что кому захочется с тем, чтобы другие люди не смели никому и ни в чем помешать. Внешняя свобода заключается, по Ильину, в свободе веры, убеждений и воззрений, т.е. той области предписаниями жизни, в которой другие люди не имели бы права вторгаться с насильственными и запретами. Это свобода от недуховного и противо-духовного давления, от грубой силы принуждения и угрозы.

Основным проявлением зла по отношению к человеку является насилие. Насилие – выражение вражды, разрушение согласия. Ненасилие предполагает принятие другого, отождествления себя с другим человеком. Другими словами, ненасилие означает возможность отношения к другому человеку с любовью. Относиться с любовью значит уметь прощать. Наоборот, при насилии доминирующим чувством является обида, а она отчуждает людей друг от друга. Любовь дарует свободу, тогда как насилие рождает зависимость.

Агрессивность зла заключается в его стремлении к распространению. Каждое злодеяние заставляет людей высказываться за или против зла. Уклониться от этого нельзя, так как уклонение есть лишь скрытая форма поддержки злого действия и проявление несвободы духа. Ильин считает, что все люди отличаются друг от друга степенью духовной зрелости. Есть люди, не окрепшие в добре, но и не злодеи – для них возможность свободного злодеяния будет соблазном. Есть слабые, безвольные личности, которые, подчиняясь страху, поддерживают насилие. Есть глупые люди, готовые поверить всему и творящие зло, не задумываясь о последствиях или полностью доверяя чужому мнению.

Внешняя, или, как ее называет Ильин, «отрицательная» свобода охраняет интимный и глубокий процесс богоискания от насилия и воздействия любого типа авторитетного мнения. Ее формула, как пишет русский философ, заключается в требовании: «Не заставляй меня насильственно, не принуждай меня угрозами, не запрещай мне, не прельщай меня земными наградами и не отпугивай меня наказаниями; предоставь мне самому испытать божественность Божественного, уверовать в Бога и свободно принять его закон моим сердцем и моей волей» [2, с. 196].

Конечно, в общественной жизни человек нуждается в идущих извне предписаниях и запретах, причем, как отмечает Ильин, эти предписания должны быть часто поддержаны угрозой, а иногда силой и принуждением. Пока люди не научатся самостоятельно бороться с дурными влечениями души, противостоять злу, запрет необходим. Однако даже если бы люди и научились этому, приказы и запреты не исчезли бы из их жизни, ибо ни воспитание детей, ни создание прочных и больших общественных

организаций не могут обходиться без внешних, запрещающих и регулирующих поведение и действие людей правил и предписаний.

Вера в Бога и личные убеждения не могут быть созданы с такими запретами и предписаниями. На такое давление, приходящее «извне» и «сверху» человек обычно отвечает упрямством, ожесточением и ненавистью. Тогда, как указывает Ильин, подавляемый человек вместо того, чтобы пользоваться свободой, идущей из глубины его духа, вместо того, чтобы строить свой духовный опыт, начинает взывать к формальной свободе. Личность ссылается на неотъемлемое право и вступает в борьбу за него. Запрет и принуждение, угроза и страх не рожают истинную веру и любовь, а, наоборот, ведут к их гибели. Вера не терпит фальши и лукавства, ибо священное требует искреннего отношения к Богу.

Человек, поставленный перед фактом угрозы или принуждения, может усилием своей воли заставить себя полюбить нелюбимое или поверить в то, что ему не верится. Но на самом деле это ему не удастся, ибо, как объясняет Ильин, воля не в состоянии породить веру. Несомненно, воля может жить и вести человека и без любви, но тогда она окажется холодной и безжалостной. Воля может обходиться и без веры, но тогда она становится оторванной от духа, беспринципной и безнравственной. Русский философ указывает: «Никогда еще ни одному человеку не удалось и никогда не удастся полюбить на основании приказа или искоренить в себе веру на основании запрета. И если любовь возникает после приказа, то она возникает не по приказу, а вопреки ему, и не независимо от него, т.е. любовь приходит сама, а приказу не удастся помешать ей и сделать ее невозможной. И если вера исчезает после ее запрета, то она исчезает не на основании его, но на основании другого душевного переживания, а может быть, и вследствие того, что она была мнимая, и что на самом деле ее вовсе не было» [2, с. 197].

Власть, не признающая духовной свободы, не признает и свободы творчества, что в конечном итоге приравнивает человека к животному, умаляет его достоинство. Это заставляет человека лгать: Богу, себе и другим людям. Отрицание свободы искажает естество человека, рождает тиранию и готовит народу печальное будущее. Свобода – это способ жизни и отвергать ее может только то, кто никогда не любил, не творил, не верил.

Религиозная вера, как отмечает Ильин, нуждается в обеих формах свободы. Человек пользуется тем, что его никто не «заставляет» и что ему никто не «запрещает» для того, чтобы открыть себе доступ к духовному росту, внутреннему обновлению и освобождению. Внешняя свобода – это основа духовного роста, подъема творческих сил, научных поисков. Но в тоже время чрезмерная духовная автономия может стать источником губительных бедствий. Люди, требующие себе внешней свободы и не постигшие ее внутреннего смысла, духовны обречены.

Духовная свобода и религиозная самостоятельность не исключают ни общения, ни единения людей. Напротив, как отмечает Ильин, истинное духовное единение возможно именно там, где каждый человек приобщается к источникам духовного опыта и религиозной веры. Там, где этого нет, там и нет единения и именно там внутренняя свобода человека становится единственным условием саморазвития. Вот почему, обращает внимание русский философ, духовная свобода и религиозная самостоятельность не исключают воспитания и преподавания. «Напротив, всякий, не доросший до этой свободы, – пишет Ильин – должен быть воспитан к ней, и всякий, не имеющий религиозной самостоятельности, поступит правильно, если начнет учиться у тех, кто ее уже достиг» [2, с. 200].

Свободу духа нельзя толковать как свободу от него. И если внешняя свобода духа отрицает что-либо, то только принуждение, угрозу или другие средства давления на религиозную веру, но она не отрицает ни духовного воспитания, ни религиозного преподавания. Внешняя, отрицательная свобода – это лишь путь, ведущий к внутренней, положительной свободе, средство, ведущее к цели. Если человек превращает свободу духа в свободу от духа, то власть, чтобы прекратить зло и насилие, имеет право эту свободу отнять. Свобода не должна быть свободой духовного растления или преступления против веры и убеждений.

Процесс накопления духовного опыта, любви и веры складывается и развивается на протяжении столетий. Это трудный, сложный и многогранный процесс воспитания, преподавания и передачи опыта и знаний от поколения к поколению и разрушить его бездуховной пропагандой легко.

В вопросах веры человек может заблуждаться. Но как, указывает Ильин, эту возможность надо предоставить людям, не опасаясь искренних и честных еретиков. Опасность не заключается в том, что человек, искренне ищущий Бога, увидит его по-своему, и окажется еретиком. Опасность состоит в том, что человек захочет уйти от Бога и духа и увлечет других – сначала ложью, лукавством, а затем принуждением и террором. Начнет он с проповеди вседозволенности и злоупотребления внешней свободой, а закончит разрушительным воздействием на процесс внутреннего освобождения.

Высокая оценка духовной свободы, по мнению Ильина, носит христианский характер, ибо Христос пришел на землю, чтобы свободно вовлечь человека в процесс духовного роста и освобождения. Нельзя обратить человека к вере посредством силы. Сила – это оружие против зла и принуждения. Личность, считающая себя свободной только во внешней стороне своей жизни, может злоупотреблять своей свободой и превратить ее в совершенную, внутреннюю несвободу. «Словом, – делает вывод Ильин

– верное отношение духа и свободы состоит не только в том, что дух (т.е. духовный опыт, любовь, вера) нуждается во внешней свободе и требует ее, но и еще в том, что дух освобождает человека внутренне и сообщает ему внутреннюю силу, самостоятельность, характер и крылья для духовного осмысления и победоносного полета через жизнь и смерть» [2, с. 202].

Особое место, особенно в статьях периода эмиграции, Ильин уделяет политической свободе. Это не случайно. Анализируя перспективы будущего России, формы власти и демократического правления, русский философ ни мог, не обратится к проблеме взаимодействия личности и общества, народа и государства.

Политическую свободу, Ильин определяет, как форму проявления внешней свободы. Личности предоставляется право самостоятельно говорить, писать, выбирать и подавать свой голос в поиске решения общественных вопросов. Его требования «не мешайте, не принуждайте и т.п.» – удовлетворяются, но уже не в вопросах его внутренней духовной жизни, а в процессах социального созидания. В этих процессах, отмечает Ильин, человек является полноправным соучастником. Это не только проверяет и ограждает его внутреннюю свободу, но и ему самому предоставляется право думать и решать о свободе или несвободе других людей. По своему объему и ответственности, политическая свобода шире, чем внешняя, отрицательная свобода, т.к. последняя дает человеку права в его собственных внутренних делах, права над своей душой, а политическая дает ему права и в решении проблем других людей. Это значит, что политическая свобода предполагает в человеке, которому она дается, гораздо большую зрелость, чем свобода духа. Кто, ошибается в своих собственных делах, вредит, прежде всего, самому себе. Тот, кто, ошибается в делах чужой свободы, вредит другим людям. Поэтому, объясняет Ильин, верное соотношение трех форм свобод, таково: «...внешняя свобода дается человеку для того, чтобы он внутренне воспитал и освободил себя; политическая же свобода предполагает, что человек воспитал и освободил самого себя и потому она ему дается для того, чтобы он мог воспитать других к свободе» [2, с. 204].

Ильин соглашается с тем, что вопрос о том, кто созрел до политической свободы, а кто нет, является сложным, если к его решению подходить формально. И тем не менее, указывает русский мыслитель, основное правило остается неизменным: политическая свобода по силам только тому, кто или завершил свое освобождение, или кто находится в процессе внутренней борьбы за него. Человек и народ, чуждые этому сознанию и не вовлеченные в этот процесс, не только извратят свою политическую свободу, а может, и погубят ее и себя вместе с ней.

Если признать этот факт, отмечает Ильин, то будет уже нетрудно устранить из сознания парадокс, утверждающий необходимость и полезность безграничности свободы (крайний либерализм, анархизм). Ни внешняя свобода, ни политическая свобода никогда не должны проводится последовательно до конца, до беспредельности. Ильин указывает: «Не следует отказывать человеку во внешней, отрицательной свободе, но, давая ее ему, необходимо объяснять ему, что смысл ее во внутреннем самоосвобождении, что внутренняя свобода не отрицает ни духа, ни авторитета, ни дисциплины и что человек, не сумевший внутренне освободить себя к духу, к дисциплине и к свободной лояльности, не заслуживает политической свободы, и притом потому, что он только и сумеет злоупотребить ею, себе и другим на погибель» [2, с. 206].

Именно здесь лежит грань внешней свободы, в этом заключаются и границы положительной свободы. Политическая свобода не призвана служить личной или классовой корысти, ее функция – защита и развитие права на социальное действие и на самоопределение, а смысл – в усилении духовной положительной свободы. Человек, не осознавший себя, как духовного субъекта (внутренне свободного), не сумеет и не должен быть субъектом прав политической свободы.

Не может быть таким субъектом и народ, утративший силу духа, не умеющий бороться и не верящий в свое освобождение. Утратив силу духа, народ не способен объединиться ради единой цели, он не ощущает своей силы и легко становится объектом манипулирования или отдельной личности, или другого народа. Народ, не умеющий бороться за свободу, не осознает ее цены, не умеет ею пользоваться. Свободный народ сам знает свои права, держит себя в пределах чести и закона; он наполняет свободу творческой инициативой в любой области социальной жизни. Он никогда не пойдет за теми вождями, которые соблазняют политикой «вседозволенности». Этот народ сумеет отстоять свои права и свободу и не даст тоталитаристам отнять ее.

В своей статье «Предпосылки творческой демократии», Ильин указывает: «Если народ воспринимает свободу как вседозволенность и начнет злоупотреблять ею (попирать все законы, вторгаться в чужие жилища, грабить чужое имущество, убивать своих действительных или мнимых врагов, разрушать, жечь и громить), то настанет анархия, которая сначала поведет страну и государство к гибели, а потом сменится тиранией – иногда своей, внутренней, иногда иностранной, завоевательной.

Если же он не поймет, на что ему нужна свобода и не сумеет ею воспользоваться, то он отдаст ее любому авантюристу за обещания частного или классового прироста. Он продаст ее тому деспоту,

который сумеет разжечь его страсти, организовать свои беззастенчивые кадры, увлечь несбыточными планами и «наградить» толпу «хлебом» и «зрелищами» [1, с. 156].

Просто «даровать» народу политическую свободу, означает поставить его на путь гибели. Русский философ настаивает на необходимости всемерного воспитания к политической свободе, помощи народу в его духовном процессе самоосвобождения.

Первым и необходимым условием политической свободы, Ильин считает наличие самодисциплины и лояльности. Лояльность не унижает и не подавляет человека. Она заключается в свободном признании за социальным авторитетом права управлять или запрещать что – либо в области общественной жизни.

Ильин подчеркивает, что любая форма политической свободы, должна быть «дарована» народу своевременно, т.е. в соответствии с его внутренним духовным становлением, ведущим к высокой степени культуры, нравов и понимания, собственных прав и обязанностей.

Государство – это не только политический союз, но и духовно-нравственное единство граждан. Любой гражданин должен уважать власть, доверять ей. Если каждый человек внутренне ощущает себя свободным, то он в какой-то мере становится автономной личностью. Автономный человек – это личность с высоким чувством гражданственности, обладающий способностью осмысливать свою личную и социально – политическую ситуацию, принимать решения и нести ответственность за них. Ильин отмечает, что духовно и внутренне подавленная личность, не способна самостоятельно мыслить, принимать решения, действовать. Этот человек никогда не будет хорошим гражданином, воспитателем, семьянином. Духовно зрелая личность, в которой воспитано гражданское достоинство, не нуждается в принуждении, она свободно следует законам, праву. Гражданин – не раб. Раб либо раболепствует, либо бунтует, а гражданин всегда является носителем чувства социальной иерархии, чувства власти, чувства правопорядка. Он может быть никак связан со структурами власти, но в нем есть достоинство и сознание гражданина. Чувство достоинства, как подчеркивает Ильин, необходимо, в конечном итоге, не только личности, но и коллективу, государству в целом.

Государственная власть имеет свои аксиомы, пренебрежение одной из которых ведет к уничтожению политической свободы, деградации и распаду государства. Первая аксиома устанавливает, что власть не может принадлежать никому помимо наделенных правовым полномочием. Вторая утверждает, что власть в пределах каждого политического союза, должна быть едина. Правда, это не отрицает возможности построения федеративного государства. Это не означает лишь то, что на одном государственном пространстве не должно существовать взаимно исключающих политических норм. Четвертая аксиома гласит, что политическая программа может включать в себя лишь те меры, которые преследует общий интерес, а пятая добавляет к этому, что эти меры могут быть только осуществимыми. Шестая аксиома утверждает необходимость связи власти с принципом социальной справедливости, но государство имеет право отступать от этой справедливости в отношении отдельных людей или групп.

Чрезвычайно важным моментом власти, подчеркивает Ильин, является ее ответственность. Ответственность принуждает власть, исходить не из субъективного мнения, а принимать во внимание общие интересы и устремления. Даже монарх не может быть освобожден от ответственности, хотя бы перед династическим советом.

В одинаковой степени негативно относится русский философ к таким, по его определению, «безбожным» формам политической власти, как коммунизм и фашизм. Отрицая религию и веру, обе эти формы разрушают основу политической свободы – дух единения народа.

Библиографический список

1. Ильин И.А. Избранные произведения / И.А. Ильин. — М.: АСТ, 1998. — 452 с.
2. Ильин И.А. О грядущей России / И.А. Ильин. — М.: Республика, 1994. — 425 с.

Поступила в редакцию 6.11.2007 г.